

ЭКИПАЖ
ВЫБИРАЕТ
НЕБО

АНДРЕЙ СЕВЕРСКИЙ

Андрей Северский

Экипаж выбирает небо

«Автор»

2026

Северский А.

Экипаж выбирает небо / А. Северский — «Автор», 2026

В Академии Высоких Причалов живой корабль выбирает не капитана — он принимает только целый экипаж, чьи страхи и способности способны удержать друг друга в небе. Лера Вейр всю жизнь готовилась стать штурманом, но на церемонии выбора ни один корабль не отвечает ей. Вместе с четырьмя другими отвергнутыми курсантами она оказывается на списанном судне «Тихий шквал», которое считали неспособным к полёту. Корабль пробуждается лишь тогда, когда пятеро отказываются соревноваться за командование. Теперь им предстоят опасные учебные маршруты, соперничество с лучшими экипажами и союз с холодным инструктором Каэлем Раном, знающим, почему старые корабли теряют голоса. Чем выше поднимается «Тихий шквал», тем яснее становится: академия скрывает настоящую цену выбора, а небесные разломы растут из памяти кораблей, принесённой в жертву человеческой власти.

Содержание

От автора	5
Глава 1. Край причала	6
Между главами 1 и 2. Экзамен над облаками	8
Глава 2. Пять отказов	10
Между главами 2 и 3. Письма с нижнего острова	12
Глава 3. Последний корпус	14
Между главами 3 и 4. Первая ночь в ангаре	16
Глава 4. Не капитан	18
Между главами 4 и 5. Тренировка без капитана	20
Глава 5. Голос без приказа	22
Между главами 5 и 6. Ошибка перевода	24
Глава 6. Связка	26
Глава 7. Инструктор погибшего судна	28
Между главами 7 и 8. Последний полёт Орваля	30
Глава 8. Маршрут с закрытой картой	32
Между главами 8 и 9. Разбор закрытого маршрута	34
Глава 9. Право якоря	35
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Андрей Северский

Экипаж выбирает небо

От автора

Эта книга родилась из вопроса: что изменится, если волшебный корабль выбирает не героя, а отношения между людьми? Не самого смелого, сильного или предназначенного — целую связку, в которой каждый способен вести, уступать и вовремя остановить остальных.

Все правила неба, аэриды, острова и персонажи полностью вымышлены. Испытания не воспроизводят реальные авиационные процедуры. Это приключенческая история о командном согласии, цене скрытой эффективности и праве живого существа не становиться инструментом даже ради общей пользы.

Глава 1. Край причала

На Высоком Причале не было перил.

Лера Вейр знала об этом с первого курса, видела на схемах и тренировочных панорамах, но только сейчас поняла, зачем. Академия не проверяла, кто способен не бояться высоты. Проверяла, кто умеет скрывать страх достаточно убедительно, чтобы корабль не почувствовал.

Под каменной площадью лежал океан облаков. Между белыми хребтами раскрывались синие провалы, где не было видно ни острова, ни нижнего неба. Ветер поднимался вдоль причала и выворачивал серебряные ленты на форме курсантов.

Лера стояла в первой десятке. Перед ней семьдесят два кандидата, за спиной ещё сорок. Сегодня живые воздушные корабли Академии выберут экипажи. Каждому человеку предписывалась одна функция, а лучшему в связке — капитанское кольцо.

Она хотела штурманское место и кольцо не меньше остальных. Но на внутренней стороне ладони написала чернилами: «Курс раньше звания». Фраза помогала не смотреть вниз.

Первым к причалу подошёл флагман «Ясный ветер». Его корпус напоминал тёмное дерево, выросшее вокруг золотых рёбер. Полупрозрачные крылья складывались над палубой, собирая свет. Когда аэрид дышал, по камню проходила тёплая дрожь.

Курсанты по одному касались носового узла. Корабль отвечал цветом: синий — штурман, янтарный — механик, белый — наблюдатель, красный — якорь, зелёный — голос. Золотой означал капитанскую совместимость.

Лера изучала ответы. «Ясный ветер» выбрал двух людей с противоположными ритмами дыхания, затем отверг третьего, которого преподаватели ставили первым. Корабль не следовал рейтингу полностью. Это успокаивало.

Когда назвали её имя, причал сузился до трёх шагов. Лера подошла, не глядя в боковые провалы. Положила ладонь на тёплую древесную кожу.

Она увидела карту.

Не глазами: внутри возникли потоки над четырьмя островами, узел северного ветра и короткий безопасный поворот под грозой. Лера ответила маршрутом, мысленно провела линию точно между двумя давящими слоями.

«Ясный ветер» принял расчёт. Его крылья вспыхнули синим.

Затем свет погас.

Не отказ сразу — пауза. Аэрид коснулся её другого ощущения: пустоты под ногами. Лера удержала дыхание, как учили. Не назвала страх. Попыталась дать ещё более точный курс.

Корабль убрал голос.

— Несовместима, — объявил распорядитель.

По толпе прошёл шёпот. Лера сняла руку.

— Он дал синий отклик.

— Предварительный. Связь не удержана.

— Маршрут был верным.

— Корабль выбирает не экзаменационный ответ.

Лера вернулась в строй. Инструктор у колонны наблюдал за ней внимательнее остальных. Высокий мужчина с серебряной нитью на воротнике — знаком бывшего голоса аэриды. Каэль Ран. Его корабль погиб три года назад, и с тех пор он не входил ни в одну связку.

Следующие аэриды тоже отвечали Лере синим, иногда золотой искрой, и каждый раз замолкали после прикосновения к страху. К полудню она получила семь предварительных откликов и ни одного выбора.

— Вы пытаетесь дать кораблям только ту часть себя, которую считаете пригодной, — сказал Каэль, когда очередь переместилась к дальнему причалу.

- Они выбирают функцию, не исповедь.
- Они выбирают связку. Функция приходит позже.
- Устав говорит иначе.
- Устав написали люди.
- Лера посмотрела на него.
- А вы говорите от имени кораблей?
- Больше нет.

В его ответе не было романтической тайны, только граница, проведённая слишком поздно.

К вечеру последний флагман выбрал экипаж. На причале остались девять курсантов. Лера стояла ближе всех к краю и всё равно не смотрела вниз.

Распорядитель зачитал решение: четверых переведут на наземные службы, пятерых направят в мастерские до итогового отчисления.

Среди этих пятерых оказалась Лера.

Под ногами дрогнул камень. Не от ветра и не от работающих флагманов. Им ответило что-то под нижним причалом, в закрытом доке списанных кораблей.

Пять медленных ударов пришли один за другим.

Лера впервые за день посмотрела вниз.

Между главами 1 и 2. Экзамен над облаками

За три дня до распределения Лера сдавала последний штурманский экзамен. Учебный катер не был живым: деревянный каркас, два парусных крыла и кристалл, повторявший команды без вопросов. Курсанты любили такие машины. Они не выбирали экипаж и не замечали, когда человек притворялся смелее, чем был.

Маршрут начинался у северной башни, огибал нижнюю кромку Академии и проходил над океаном облаков. Лера заняла место у рамы, проверила компас и увидела имя экзаменатора: мастер Олден, тот самый преподаватель, который год назад назвал её осторожность «дорогой формой трусости».

— Сегодня без запасного штурмана, — сообщил он. — На выпуске никто не станет подменять вас при каждом неудобном порыве.

Лера не ответила. Правила позволяли экзаменатору менять условия, но резерв на борту обычно оставляли. Она отметила отсутствие в журнале. Олден усмехнулся, словно запись подтверждала его диагноз.

Катер вышел из защищённой чаши. Воздух сразу стал жёстче, крылья задрожали. Лера считала порывы, выбирая высоту, на которой поток шёл вдоль острова. Первые два ориентира прошли точно по времени.

У третьего Олден закрыл половину карты.

— Отказ приборов.

— Какие данные считаются сохранившимися?

— Те, которые видите.

Под тканью осталась шкала высоты и край старого маршрута. Лера запомнила карту, но не стала делать вид, будто память равна действующему измерению. Она снизила скорость и попросила наблюдателя — молчаливого второкурсника на корме — назвать форму облаков справа.

— Экзамен индивидуальный, — вмешался Олден.

— Наблюдатель входит в экипаж.

— Он балласт. Проверяется ваша способность вести судно.

Второкурсник опустил глаза. Лера могла спорить и потерять время. Могла послушаться и пройти коротким путём над открытой глубиной. Вместо этого выбрала длинную дугу вдоль каменного уступа, где направление показывал мох на нижней стенке острова.

— Плюс девять минут, — отметил Олден.

— Запас двенадцать.

— Пока.

Он открыл аварийный клапан. Левое крыло потеряло тягу, катер накренился к облакам. Это тоже входило в экзамен, хотя обычно курсантов предупреждали о диапазоне неисправностей.

Лера выровняла раму и приказала механику уменьшить правое крыло. Олден остановил команду:

— Механик также не участвует.

— Тогда кто управляет натяжением?

— Вы.

Штурманская рама находилась в четырёх шагах от механических рычагов. Чтобы дотянуться, нужно было отстегнуться и пройти по наклонённой палубе. Страх открылся мгновенно: не мыслью, а пустотой под ногами. Лера увидела старый мост и руку сестры.

Она пристегнула дополнительный ус к направляющей.

— Потеря времени, — сказал Олден.

Лера сделала первый шаг. Катер качнулся. Второй дался хуже: карабин заел на стыке, и ей пришлось наклониться к краю. Облака внизу разошлись, показав синюю бездну между слоями.

Она замерла.

— Курсант Вейр, продолжайте.

Голос экзаменатора превратился в толчок между лопаток. Лера не могла вдохнуть. Пальцы сжали направляющую так сильно, что заболели суставы.

— Назовите высоту, — сказала она наблюдателю.

Олден шагнул вперёд.

— Я запретил помощь.

— Высота — общая информация о безопасности. Назовите.

Второкурсник посмотрел на экзаменатора, потом на шкалу.

— Тысяча двести. Теряем шесть метров в секунду.

Конкретные числа вернули миру края. Лера назвала вслух свои действия: перенести карабин, удержать три точки опоры, не смотреть ниже механической балки. Дошла до рычагов и сбросила тягу правого крыла. Катер перестал вращаться, но продолжил снижение.

— Теперь можно открыть левый резерв, — подсказал механик.

— Он не участвует, — повторил Олден.

— Я слышала, — сказала Лера. — Где резервный привод?

Механик молчал. Лера осмотрела панель, нашла красную пломбу и сорвала её. Резерв раскрылся с ударом. Катер поймал поток в ста метрах над нижней кромкой облаков.

На обратном пути Олден вернул карту. Лера не стала наворачивать девять минут. Она проложила безопасный подъём и пришла к башне с опозданием на четыре.

В протоколе появились две оценки. За навигацию — высшая. За командование — неудовлетворительная.

— Вы отказались действовать самостоятельно, — объяснил Олден. — Постоянно искали подтверждение у экипажа.

— Я использовала доступные функции.

— Капитан должен принимать решение один.

— Я сдавала на штурмана.

— Каждый штурман мечтает стать капитаном.

Лера поставила подпись только под фактической частью протокола и отдельно записала несогласие с выводом. На распределение её допустили благодаря навигационному баллу, однако пометка о слабом командовании ушла всем живым кораблям.

У лестницы её догнал второкурсник-наблюдатель.

— Спасибо, что спросили высоту, — сказал он. — Олден велел мне молчать ещё до старта.

— Почему ответил?

— Потому что мы действительно падали.

Его звали Сайрен Тесс.

Через три дня они оба получили по несколько отказов и встретились у корпуса, который Академия считала немой.

Глава 2. Пять отказов

Нижний док висел под Академией на цепях толщиной с башню. Сюда не вели парадные лестницы. Пятерых спустили грузовым подъёмником вместе с ящиками инструментов и приказом подготовить списанный корпус к разборке.

— Отличная награда за десять лет обучения, — сказала Эйда Мор. На её янтарной форме механика не было ни одного пятна, хотя пальцы всегда пахли смолой. — Разобрать корабль, который оказался таким же ненужным.

— Он хотя бы закончил службу, — ответил Сайрен Тесс. Наблюдатель говорил так, будто сообщал температуру. — Мы не начали.

Бран Лиот нёс самый тяжёлый ящик и не участвовал. Его готовили как якоря: человека, который удерживает эмоциональную связку в опасности. Все считали молчание частью его способности.

Неми Астр шла последней и повторяла скрип подъёмника почти безошибочно. Голоса-аэриды должны переводить нечеловеческие импульсы в речь. Неми умела имитировать любой услышанный ритм — и ни один корабль не выбрал её.

— Потому что они не знают, кто ты, — сказала Эйда.

— А тебя не выбрали, потому что ты чинишь раньше, чем спрашиваешь, — ответила Неми её же голосом.

Ссора началась до остановки подъёмника.

Лера смотрела на индикатор высоты. С каждым уровнем цифры уменьшались, а пустота за решётчатой стеной становилась ближе. Она считала крепления цепи: четыре на пролёт, резервная пара через каждые двадцать метров. Не страх — конструкция.

Сайрен заметил.

— Если одна цепь лопнет, платформа наклонится на семь градусов. Не упадёт.

— Я не спрашивала.

— Вы считали.

— Это обязанность штурмана.

— Вы больше не штурман.

Лера хотела ответить, но подъёмник ударился о нижний упор.

В доке лежал «Тихий шквал».

Живые корабли редко казались мёртвыми полностью. Даже спящие сохраняли свет под корпусом и движение крыльев. У этого крылья были сложены вдоль бортов серыми пластинами, древесная кожа побелела, носовой узел закрывала железная скоба. На борту вместо имени — пять высокобленных полос.

Кладовщик выдал опись.

— Снять навигационные жилы, голосовой купол и якорные пластины. Всё пригодное наверх. Корпус уйдёт в топливо после комиссии.

Неми коснулась скобы. Та была холодной.

— Он согласился на разборку?

Кладовщик рассмеялся.

— Немой корабль не даёт согласия.

— Не отвечает и не согласился — разные вещи, — сказал Бран впервые.

Лера посмотрела на него. Голос якоря оказался негромким, без приказной тяжести.

Эйда открыла опись и нашла печати. Всё законно по уставу: аэрид без отклика три года признаётся пустым корпусом. «Тихий шквал» не отвечал семь лет.

— Если мы откажемся, нас отчислят сегодня, — сказала она.

— Если начнём, отчислят после работы, — ответил Сайрен.

У них были разные причины остаться. Эйда содержала младших братьев с академической стипендии. Сайрену требовался доступ к небесным картам. Бран не объяснял. Неми хотела услышать голос, который не пришлось бы копировать. Лера всё ещё верила, что может добиться повторного выбора.

Она предложила сначала провести стандартную проверку пустого корпуса. Эйда возразила: проверка займёт час, которого нет в приказе. Сайрен отметил, что приказ не запрещает. Бран потребовал установить безопасную линию остановки. Неми спросила корабль.

Ответа не было.

Они разошлись по пяти узлам. Лера поднялась к навигационной чаше. Под пылью лежала карта без рисунка. Когда она положила ладонь, ничего не увидела.

Эйда открыла боковую панель — корпус дрогнул. Бран попросил остановиться. Механик не услышала или сделала вид. Неми повторила просьбу громче. Сайрен сообщил: температура в навигационной жиле растёт.

— Убирай инструмент, — приказала Лера.

Эйда повернулась.

— Ты не капитан.

— Здесь нет капитана.

— Тогда не командуй.

Они замерли в патовой точке. Каждый мог продолжить свою работу, никто не имел признанного права остановить остальных.

Из глубины корпуса пришёл один удар. Затем второй, в другом месте. Третий под ладонью Неми. Четвёртый у ног Сайрена. Пятый рядом с Браном.

Не единый пульс корабля. Пять отдельных ответов.

Лера сняла руку первой.

— Все прекращаем. Не по моему приказу. Пока не решим, чьё «стоп» обязательно для всех.

Эйда медленно вынула инструмент.

Пять ударов повторились — на этот раз ближе друг к другу.

«Тихий шквал» не выбрал никого из них.

Он ждал, смогут ли они выбрать правило между собой.

Между главами 2 и 3. Письма с нижнего острова

После пятого отказа Лера не вернулась в общежитие. Она спустилась на почтовую террасу, где маленькие аэриды приносили посылки с нижних островов. Один из них вытряхнул перед ней серый конверт и тут же отступил, не позволяя коснуться крыла.

Лера поблагодарила. Кораблик моргнул бортовыми огнями и улетел к следующему адресату.

Письмо прислала мать. Она уже знала о первых четырёх отказах — Академия публиковала результаты быстрее, чем курсанты успевали придумать собственную версию.

«Возвращайся, если они снова тебя не выберут. В мастерской есть место. Это не поражение».

Последняя фраза была заботой, но Лера прочитала в ней разрешение сдаться. Ей стало стыдно за эту несправедливость. Мать пятнадцать лет ремонтировала подъёмники на острове, где живые корабли садились только ради груза. Она не считала работу в мастерской маленькой жизнью.

К письму прилагалась записка сестры: «Если боишься возвращаться из-за меня, перестань. Я упала не потому, что ты отпустила».

Лера перечитала её трижды и спрятала глубже основного листа.

— Плохие новости? — спросил кто-то рядом.

Это была Эйда Мор, маленькая механик с коротко стриженными волосами. На рукаве у неё темнели пять печатей отказа.

— Семейные.

— Значит, хуже академических. Академические хотя бы можно обругать вслух. Эйда села на ограждение, свесив ноги над облаками. Лера отступила на шаг.

— Боишься высоты? — спросила механик.

— Нет.

Эйда посмотрела на расстояние между её ботинками и краем.

— А я боюсь живого дерева.

Лера решила, что это шутка. Эйда протянула ладонь. Поперёк пальцев шёл старый белый шрам.

— Первый корабль, которого я ремонтировала, закрыл трещину, пока рука была внутри. Не напал. Просто испугался инструмента. С тех пор я каждый раз жду, что корпус снова сомкнётся.

— Почему стала механиком аэридов?

— Потому что механические катера скучные. И потому что один страх не должен выбирать всю профессию.

Фраза могла звучать как упрёк. Эйда произнесла её о себе и потому оставила Лере свободу ничего не объяснять.

На террасу пришёл Бран Лиот. Его отказные печати занимали отдельный лист. Он передал почтовому служащему заявление об отсрочке платы за обучение.

— Семь? — спросила Эйда.

— Восемь.

— За одно распределение допускают пять.

— Три были в прошлом году.

Бран учился повторно. На предыдущем выпускном рейсе он остановил корабль перед грозовой стеной, хотя капитан приказал продолжать. Груз опоздал, торговый дом потребовал исключения, а Академия аннулировала его практику.

— Корабль согласился идти? — спросила Лера.

— Голосовой сказал «да». Корпус показывал боль. Я выбрал корпусу поверить.

— И был прав?

— Гроза уничтожила два маяка. Но если бы ничего не случилось, остановка всё равно оставалась бы обоснованной тем, что мы знали тогда.

Лера подумала об экзамене. Её оправдывал благополучный исход: катер действительно терял высоту. Она не знала, смогла бы так же защищать решение, если бы опасность не подтвердилась.

Сайрен появился с тубусом карт и сел на пол, не спрашивая разрешения. Он узнал Леру, но не упомянул экзамен.

— Северный флагман отказал мне, потому что я слишком долго наблюдаю перед ответом, — сообщил он. — Южный — потому что редко смотрю людям в глаза. Третий не объяснил.

— Они вообще объясняют? — спросила Эйда.

— Иногда голосовые придумывают объяснение после отклика. Так человеку легче.

Неми Астр стояла за его спиной. Судя по красным глазам, она недавно плакала.

— Не все придумывают.

Эйда подвинулась, освобождая место.

Неми не села.

— Мой первый аэрид выбрал меня, — сказала она. — Академия решила, что я неправильно перевела согласие, потому что он не выбрал назначенного капитана. Связку распустили. Сегодня он отказался говорить со мной.

Пять человек оказались на одной террасе не благодаря судьбе. Их просто вытолкнули туда разные представления школы о правильном экипаже.

Прозвучал вечерний колокол. На доске распределения появилась последняя строка: резервный просмотр у списанного корпуса, допуск для курсантов без связи.

— Это Шквал, — сказал Бран. — Он не отвечает много лет.

— Тогда не сможет отказать, — мрачно пошутила Эйда.

Неми покачала головой.

— Молчание тоже может быть отказом.

Лера сложила материнское письмо. Возвращение оставалось возможным. Именно поэтому поход к последнему корпусу не был прыжком без выбора.

— Посмотрим, — сказала она. — Только не будем решать заранее, что он нам должен.

Они пошли к нижнему ангару порознь, ещё не называя себя экипажем.

Глава 3. Последний корпус

Они написали правило на крышке ящика: любое «стоп» прекращает общее действие до того, как назвавший причину будет обязан её доказать. Проверка следует после остановки, не вместо неё.

Эйда подписала последней.

— Если Сайрен будет останавливать нас из-за каждого числа, мы не закончим до старости.

— Если число показывает перегрев, старость не наступит, — ответил он.

Бран поставил рядом второе условие: остановившего нельзя наказывать потерей роли только за сам отказ. Лера спросила, не превращает ли это правило в способ избежать испытания.

— Может, — сказал Бран. — Тогда обсудим злоупотребление после того, как останемся живы.

Неми прочла обе строки голосом каждого участника, затем собственным. Её настоящий голос был ниже и тише подражаний. На нём корпус ответил слабой дрожью.

Проверку начали заново. На этот раз Эйда предупреждала перед каждым касанием инструмента. Сайрен называл изменения температуры без выводов. Лера описывала положение пустых навигационных жил. Неми слушала. Бран следил не за кораблём, а за людьми.

Первым остановил Сайрен. Температура упала слишком быстро — признак не перегрева, а отсутствия потока. Эйда хотела продолжить, но убрала руку согласно правилу. Проверка показала: одна жила не была мёртвой. Её перекрыли серебряным зажимом изнутри.

— Академический ограничитель, — сказала Эйда. — Такой ставят на опасные отклики.

— В описи нет, — заметила Лера.

Неми коснулась зажима и услышала короткий образ: белая комната, множество светящихся нитей, чьи-то руки вытягивают одну из корпуса. Она отдёрнула пальцы.

— Это память или настоящее? — спросил Бран.

— Не знаю. Он показал без слов.

Лера потребовала повторить образ точно, без объяснения. Неми описала цвет, направление, давление. Эйда узнала инструмент извлечения навигационной памяти, но такие процедуры применяли только после естественной смерти аэриды.

— По уставу, — сказала Лера.

— Устав написали люди, — повторил Сайрен фразу Каэля, хотя не слышал их разговора. Возможно, вывод был очевиден.

Они не снимали зажим. Записали наличие и вызвали кладовщика. Тот не ответил по переговорной трубе. Подъёмник ушёл наверх без них.

— Значит, час у нас всё-таки есть, — сказала Эйда.

Второй зажим находился под голосовым куполом. Третий — у якорной пластины. Пять навигационных жил были пережаты по одной возле каждой функции. Корабль не потерял голос естественно. Его разделили так, чтобы ни один человек не услышал целое.

Лера провела пальцами над пустой картой. Если снять всё одновременно, поток может перегрузить корпус. Если по одному — они получают фрагменты, но рискуют принять часть за волю всего корабля.

— Нужен инструктор, — сказала она.

— Инструктор подпишет разборку, — возразила Эйда.

— Не любой.

Лера вызвала Каэля Рана по аварийному каналу. Он ответил после третьего сигнала.

— Вы должны быть в мастерском доке.

— Мы там. Нашли пять ограничителей памяти на живом корпусе.

Молчание длилось слишком долго.

— Ничего не снимайте, — сказал Каэль.

— Вы знали?

— Я знаю, что бывает, если сделать это без связки.

— У нас её нет.

Под ладонями пятерых корпус ударил одновременно. Не пять отдельных пульсов — один, собранный из них.

Неми перевела образ:

— Он говорит: «Есть».

Каэль услышал через канал и выдохнул так, будто голос принадлежал мёртвому.

— Отойдите от корабля. Это приказ.

Бран положил руку на написанное правило.

— Стоп, — сказал он. — Сначала объясните риск.

«Тихий шквал» ответил ещё одним общим ударом.

Между главами 3 и 4. Первая ночь в ангаре

После первого отклика Шквала Академия не разрешила им остаться внутри корпуса. Инспектор опечатал вход и назначил повторную проверку на утро. Пятеро расположились прямо у ворот ангара: никто не хотел уходить и дать комиссии объявить тепло случайным сокращением живой древесины.

Эйда принесла инструменты, Бран — одеяла, Сайрен — записи температуры. Неми сидела ближе всех к опечатанному борту и прислушивалась, хотя через толстую створку нельзя было различить обычный отклик.

— Он не немой, — сказала она. — Он экономит голос.

— Это перевод или предположение? — спросил Бран.

Неми помолчала.

— Предположение.

Она записала его именно так. Лера заметила усилие: голосовых учили говорить уверенно, иначе капитан мог усомниться в команде. Признать неясность для Неми было отдельной работой.

Около полуночи пришёл дежурный куратор и предложил четверым временные места в других командах. Лере места не предложили — пометка Олдена уже попала в личное дело.

— Утреннюю проверку проведут специалисты, — сказал куратор. — Ваше присутствие не требуется.

— Если Шквал снова ответит, кому именно он отвечает? — спросил Сайрен.

— Комиссии.

— Комиссия претендует на связку?

Куратор раздражённо сложил планшет.

— Корабль является имуществом Академии. Сначала устанавливается пригодность, затем ему назначают экипаж.

Из-за ворот донёсся глухой удар.

Неми вздрогнула.

— Ему не нравится слово «имущество».

— Вы не можете слышать через створку.

— Верно. Тогда откройте и проверьте.

Куратор ушёл, пообещав дисциплинарные баллы за ночёвку в служебной зоне. Эйда проводила его выразительным жестом.

— Если нас всех исключат, получится очень короткая связка.

— Мы ещё не связка, — напомнил Бран.

Они начали обсуждать, что вообще произошло вечером. Лера предложила считать отклик адресованным всей группе: тепло появилось, когда они перестали по очереди требовать выбора. Эйда считала, что Шквал реагировал на снятие серебряного зажима с корпуса. Сайрен заметил совпадение с изменением ветра. Неми слышала слабую ноту, но не могла доказать её источник.

Ни одна версия не победила. Они составили план проверки, в котором каждую переменную меняли отдельно.

— Кто будет руководить? — спросила Эйда.

Все посмотрели на Леру. Она первой заговорила с кораблём и была старше Неми и Сайрена. От неё ожидали привычного шага: принять роль, пока остальные не возразили.

— Тот, чья проверка идёт в данный момент, — сказала она. — Эйда отвечает за зажим. Неми — за обращение. Сайрен — за условия воздуха. Бран останавливает опыт, если мы давим на корабль.

— А ты?

— Записываю последовательность и слежу, чтобы мы не перепутали результат с тем, чего хотим.

— То есть руководишь, — усмехнулась Эйда.

Лера хотела возразить и поняла, что механик права. Даже распределение ролей она только что объявила сама.

— Тогда поправьте.

Бран предложил каждому письменно обозначить свою задачу и предел. Неми добавила право Шквала вообще не участвовать. Сайрен настоял, чтобы отсутствие ответа не считалось провалом испытания. Эйда потребовала возможность немедленно снять любой прибор, который вызовет боль.

Лера переписала план уже как секретарь, не автор.

Под утро температура упала. Они укрылись одеялами у стены. Неми заснула первой, прислонившись к тубусу Сайрена. Эйда чинила фонарь до тех пор, пока Бран не забрал у неё отвёртку и не объявил отдых мерой безопасности.

Лера не спала. За створкой находился живой корабль, который, возможно, впервые за годы попытался заговорить. Она боялась, что утром комиссия услышит только неисправность. Ещё сильнее боялась, что пятеро услышат согласие, потому что слишком нуждались в нём.

Сайрен сел рядом.

— На экзамене вы спросили моё наблюдение, хотя это снизило оценку.

— Мы падали.

— Сегодня мы тоже можем ошибаться.

— Поэтому нужны записи.

— Записи не убирают желание оказаться правыми.

Он показал журнал температуры. Первый отклик действительно совпал с тёплым порывом. Но второй, едва заметный, произошёл через минуту в неподвижном воздухе — сразу после слов Неми о праве молчать.

Доказательством это не было. Только причиной спросить снова.

Утром комиссия сняла печати. Специалисты внесли приборы и начали закреплять контакты без обращения к кораблю. Серебряный датчик коснулся борта, и Шквал сжался.

— Стоп, — сказал Бран.

Председатель комиссии даже не повернулся.

— Курсант не имеет полномочий останавливать диагностику.

Бран встал между специалистом и вторым контактом.

— Тогда оформите удаление свидетеля и причину.

Эйда показала белые следы вокруг старых креплений. Сайрен передал ночные записи. Неми назвала отдельно то, что слышала, и то, что предполагала. Лера предъявила подписанные пределы проверки.

Комиссия не приняла их модель, но согласилась на пять минут опыта без серебряных датчиков.

Эйда сняла зажим. Сайрен закрыл вентиляционную створку, исключив тёплый порыв. Неми спросила, хочет ли Шквал продолжить знакомство. Бран отсчитывал время. Лера ничего не добавляла.

На четвёртой минуте корпус согрелся под ладонями всех пятерых.

Председатель записал: «Нестандартная групповая реакция. Требуется назначение капитана для стабилизации».

Лера прочитала формулировку и впервые поняла, что Академия способна увидеть новый ответ и всё равно задать старый вопрос.

Глава 4. Не капитан

Каэль спустился по аварийной лестнице, не дожидаясь подъёмника. Серебряная нить на воротнике потускнела от дождя, хотя нижний док находился под островом и дождь сюда не попадал.

— Кто снял первый ограничитель? — спросил он.

— Никто, — ответила Лера. — Мы остановились.

Он проверил печати. Увидев общее правило на ящике, прочитал дважды.

— Чьё решение?

— Общее, — сказала Неми.

— У общего решения должен быть ответственный.

— Почему один? — спросил Бран.

Каэль не ответил сразу. Академия требовала подписи капитана под каждым риском. Без капитана пятеро не могли официально стать экипажем; без экипажа корабль не получал права выбора. Круг защищал систему от незарегистрированных связей.

— Если я подпишу как инструктор, вас отстранят от корпуса до комиссии, — сказал он. — Если не подпишу, находка останется вне журнала.

— Запишите находку, а не вывод о связи, — предложил Сайрен. — Пять ограничителей, номера печатей, температура. Для этого капитан не нужен.

Каэль посмотрел на него внимательнее и начал протокол.

Кладовщик вернулся с двумя мастерами. Он требовал продолжить разборку: ограничители подтверждали опасность корпуса. Каэль наложил временный запрет на работы до проверки происхождения печатей. Его полномочий хватало на двенадцать часов.

— После этого ректор отменит, — сказал он пятерым. — У вас одна ночь.

— На что? — спросила Эйда.

— Доказать устойчивый отклик без снятия ограничителей.

Он провёл их в навигационную чашу. Пять мест располагались не по иерархии, а кругом. Поздние академические кресла капитана установили сверху на металлической раме, перекрывающей исходный узор корпуса.

— «Тихий шквал» старше Академии, — сказал Каэль. — Когда его строили, капитанских колец не было.

— Тогда зачем они сейчас? — спросила Лера.

— Чтобы один человек мог принять решение быстрее.

— И чтобы было кого наградить, — добавил Сайрен.

— И наказать, — сказал Бран.

Каэль снял капитанское кресло с фиксатора. Под ним открылся пятый узел, забитый серой смолой. Корпус дрогнул.

Лера заняла штурманское место первой. Дала точный маршрут вдоль дока. Эйда поддерживала тягу, Сайрен назвал ветер, Неми передала образ, Бран удержал ритм. Корабль не двинулся.

— Нужна команда, — сказала Лера. — Поднять нос на три градуса.

Она произнесла приказ. Общий пульс распался на пять.

Эйда попробовала стать капитаном. Велела корпусу раскрыть левое крыло. Пульсы замолчали. Сайрен предложил оптимальную последовательность, Неми спела зов выбора, Бран попросил всех дышать вместе. Каждый раз отклик слабел, когда один голос пытался стать центром.

— Он отвергает руководство, — сказала Эйда.

— Или наше представление о нём, — ответил Сайрен.

Каэль велел сделать перерыв. Лера не согласилась: до комиссии мало времени. Он напомнил, что усталость и отчаяние не улучшают связь.

— Вы инструктор. Приказываете?

— Нет. Называю риск.

Бран сказал «стоп». Все вышли из узлов.

За водой они спорили о роли капитана. Лера утверждала: в критический момент нельзя ждать обсуждения. Бран отвечал, что заранее распределённые полномочия быстрее случайной диктатуры. Эйда хотела капитана по задаче. Сайрен — решение по данным. Неми спросила, что хочет корабль.

— Мы всё время пытаемся заставить его выбрать нашу структуру, — сказала она. — А он уже показал пять ударов.

Они вернулись и не назначили капитана. Договорились: штурман принимает решения о курсе в пределах согласованного маршрута; механик — о целостности корпуса; наблюдатель — об остановке при неизвестном потоке; якорь — о разрыве связки; голос — о прекращении, если азрид не отвечает или выражает отказ. В конфликте действие прекращается до краткого согласования.

— Кто отдаст команду взлёта? — спросил Каэль.

— Никто, — ответила Лера. — Каждый подтвердит свою часть.

Она назвала курс. Сайрен подтвердил поток. Эйда открыла крыло. Бран удержал общий ритм. Неми спросила «Тихий шквал», хочет ли он подняться на высоту ладони.

Корпус ответил одним ударом.

Корабль приподнялся над опорами.

Капитанское кольцо на снятом кресле вспыхнуло золотым и расколосось пополам.

Между главами 4 и 5. Тренировка без капитана

Первую наземную тренировку комиссия устроила в старом грузовом ангаре. Тихого шквала подключили к деревянному стенду, который имитировал крен, потерю высоты и повреждения крыльев. Инструктор Олден принёс красную капитанскую перевязь и положил её посреди палубы.

— Без единого центра решений испытание не начнётся.

Лера посмотрела на остальных. После ночи у ангара они подготовили распределение ролей, однако у Академии оставался простой рычаг: отказать им в практике.

— Пусть перевязь носит дежурный представитель, — предложил Бран. — Только для связи с инструктором.

— Представитель обязан иметь право окончательного приказа.

— Тогда это капитан под другим названием.

Олден пожал плечами и направился к выходу. Эйда схватила перевязь.

— Я надену.

Лера не ожидала уступки именно от неё. Механик затянула красную ткань поверх рабочего жилета и тихо добавила:

— А выполнять буду только то, на что мы согласились. Посмотрим, кому первому надоест притворство.

Стенд дёрнулся. На учебной панели загорелось сразу три сигнала: утечка подъёмного газа, слепая зона справа и потеря голоса корабля. Олден потребовал от «капитана» выбрать главную угрозу.

Эйда знала двигатель, но не видела общей картины. Она посмотрела на Леру.

— Высоту держим четыре минуты, — сказала штурман. — Справа приближается башня. Сайрен?

— До препятствия девяносто секунд.

Неми приложила руки к макету линии связи.

— Шквал слышит нас, но стенд не передаёт его ответ.

— Якорь? — спросила Эйда.

— Прекратить имитацию нельзя: реальную башню это не уберёт, — ответил Бран. — Но запрещаю увеличивать нагрузку на левое крыло, пока механик не оценит утечку.

Они выбрали снижение с разворотом от препятствия. Олден отметил опоздание команды на двенадцать секунд.

Во втором сценарии огонь возник в грузовом отсеке. Эйда бросилась к клапанам, забыв объявить действие. Лера увидела изменение крена и решила, что повреждено крыло. Она командовала встречный поворот. Стенд накренился ещё сильнее, Неми упала, а Бран аварийно остановил упражнение.

— Вот зачем нужен капитан, — сказал Олден. — Два специалиста приняли несовместимые решения.

Эйда сорвала перевязь.

— Капитан тоже не узнал бы о клапане, если бы я промолчала.

— Капитан спросил бы.

— Каждый раз обо всём?

Олден не ответил. Его модель предполагала идеального человека в центре, который замечал все детали и никогда не запаздывал.

Лера попросила повторить сценарий. Они ввели короткие объявления перед каждым действием, способным изменить движение корабля. Не объяснения и не просьбы о разрешении

— только факт, цель и длительность: «закрываю левый клапан на десять секунд», «передаю навигацию», «прекращаю манёвр».

На повторе огонь погасили, но груз потеряли. Бран сбросил контейнер раньше, чем Эйда закончила герметизацию. В реальном рейсе там могли быть лекарства.

— Я имел право остановить угрозу, — сказал он после тренировки.

— Имел, — согласилась Лера. — Но выбрал единственный необратимый способ.

Бран не стал защищаться. Он записал новую обязанность якоря: если время позволяет, назвать не только остановку, но и последствия доступных вариантов.

Третья попытка прошла медленнее нормы. Они спасли условный корабль и половину груза. Олден поставил им низкий балл за эффективность.

Когда инструктор ушёл, Неми осталась у борта Шквала. Во время тренировок живой корабль чувствовал движения стенда, хотя сценарий был искусственным.

— Ему не понравилась перевязь, — сказала она.

— Или тот, кто её носил, — отозвалась Эйда.

Корпус дал возмущённый импульс.

Эйда рассмеялась и положила красную ткань на пол. Шквал столкнул её кончиком гибкой рейки в открытый люк для отходов.

Это был первый поступок корабля, который не требовал перевода.

На следующий день комиссия выдала новую перевязь. Пятёрка повесила её у входа как предупреждающий флаг: здесь роль капитана оставалась снаружи.

Глава 5. Голос без приказа

Первый полёт длился четыре секунды. «Тихий шквал» поднялся на ширину ладони, накренился и мягко вернулся на опоры. Эйда назвала это техническим успехом. Сайрен — недостаточным набором данных. Лера — доказанным откликом. Каэль записал только высоту и длительность.

— Комиссии потребуется повтор, — сказал он.

— Тогда повторим выше, — ответила Лера.

— Нет. Повторите то же условие. Рост результата не доказывает устойчивость.

Она не любила его осторожность, потому что та напоминала страх. Но согласилась.

Перед вторым подъёмом Неми услышала под общим пульсом чужой ритм. Четыре коротких ноты и оборванная пятая. Каэль побледнел.

— Не повторяйте.

— Это голос «Шквала», — сказала Неми.

— Это фрагмент памяти. Не обязательно его собственный.

Он отказался объяснить больше. Неми установила границу: не будет переводить фрагмент, пока не понимает, согласен ли корабль делиться. Лера возразила — без перевода они не пройдут комиссию.

— Тогда не пройдем, — сказала Неми.

— Ты хочешь вернуться домой?

— Хочу услышать хоть один голос, который не заставлю звучать как нужный ответ.

Эйда поддержала Неми неожиданно для всех. Механик могла снять ограничитель и получить более сильный сигнал, но отказалась работать без ответа корпуса.

Они изменили испытание. Неми не переводила смысл. Только сообщала качество отклика: желание продолжить, напряжение, прекращение. Лера строила короткий путь внутри дока. Бран держал возможность остановки. Сайрен измерял боковой поток. Эйда открывала крылья по одному.

На втором подъёме корабль достиг высоты ладони и остановился сам. Неми почувствовала не отказ, а вопрос.

— Он спрашивает о крае, — сказала она. — Не знаю, каком.

Лера увидела карту нижнего дока. За воротами начинался открытый воздух. Её горло сжалось.

— Край причала, — предположила она.

«Шквал» ответил пятью ударами, разнесёнными по узлам.

— Не место, — сказал Сайрен. — Пять адресатов.

Каждому пришёл свой образ границы. Эйде — момент, когда ремонт становится вмешательством. Сайрену — точка, после которой данных недостаточно. Брану — предел, где удержание превращается в собственное разрушение. Неми — переход от перевода к подражанию. Лере — край, за которым точный маршрут больше не скрывает страх.

— Он спрашивает, кто остановит остальных у их границы, — перевела Неми.

— Каждый себя, — сказала Лера.

Корпус промолчал.

— Этого недостаточно, — понял Бран. — В связке человек может не заметить собственный предел.

Они назвали право взаимной остановки. Не только якорь. Любой член экипажа мог сказать, что другой больше не способен безопасно выполнять функцию. Решение требовало причины, но действовало немедленно.

Лера почувствовала сопротивление. Кто-то сможет отнять у неё курс в момент, когда она уверена. Именно поэтому правило имело смысл.

— Согласна, — сказала она.

Остальные подтвердили.

Общий пульс вернулся. Корабль поднялся на высоту одного причального камня, затем второго. Ворота дока оставались закрыты, и он не пытался выйти.

Каэль наблюдал с площадки.

— В старых связках функция называлась не «капитан», — сказал он. — «Тот, кто передаёт небо».

— Почему это исчезло? — спросила Лера.

— Потому что власть легче записать на одного человека, чем на отношения.

Он внес фразу в протокол по просьбе Сайрена. Не как легенду, а как историческое утверждение, требующее проверки.

Комиссия должна была прийти утром. До неё «Тихий шквал» совершил ещё три подъёма. Ни один выше человеческого роста. На последнем Неми спросила, готов ли он принять их как экипаж.

Ответ пришёл не словом. Пять узлов поменялись местами в навигационной чаше, вынуждая каждого встать не туда, где обучался.

Лера оказалась у якорной пластины.

Корабль не выбирал роли навсегда.

Он проверял, смогут ли они не превратить функцию в право собственности.

Между главами 5 и 6. Ошибка перевода

Неми ошиблась на четвёртый день связки.

Шквал учился раскрывать левое крыло после многолетней неподвижности. Эйда ослабляла крепления по одному, а Неми спрашивала разрешение на каждое движение. Корпус отвечал короткими изменениями температуры.

— Ещё один узел, — перевела она.

Эйда повернула ключ. Крыло резко сжалось, деревянная дуга ударила её в плечо и отбросила к стене.

Бран немедленно остановил работу. Лера помогла Эйде сесть. Кость не была сломана, но рука быстро синела.

— Он сказал «нет», — прошептала Неми.

— Ты сказала другое, — ответила Эйда сквозь боль.

Шквал дрожал всем корпусом. Неми отступила от него, будто сама стала опасным инструментом.

Медик увёл Эйду. Комиссия потребовала заменить голосового: ошибка перевода подтверждала, что младшая курсантка не готова к сложной связке. Неми подписала заявление о временном отстранении прежде, чем остальные узнали о нём.

Лера нашла её в пустой акустической аудитории. Неми сидела между медными трубами, где студенты учились различать отражение собственного голоса.

— Я услышала отказ, — сказала она. — Но Эйда уже взялась за ключ. Все ждали продолжения. Я решила, что мне показалось.

— Значит, проблема не в слухе.

— Проблема во мне.

— В решении — да. Не во всём тебе.

Неми подняла голову. Возможно, она ждала утешения или обвинения; Лера не дала ни того ни другого.

— Ты можешь уйти из связки, — продолжила она. — Но заявление должно быть твоим выбором после разговора, а не наказанием, которое ты назначила себе раньше комиссии.

Эйда вернулась из лечебницы с рукой в жёсткой повязке.

— Я злюсь, — объявила она. — И ближайшие дни ты ко мне не прикасаешься. Но новый голосовой тоже может решить, что отказ неудобен. Замена ничего не исправит.

Они разобрали запись. Температура Шквала снизилась дважды: первый раз слабо, второй резко. Учебники называли слабое снижение сомнением, но для этого корабля оба сигнала означали отказ. Академический словарь оказался усреднением чужих голосов.

Сайрен предложил сверять каждый новый отклик несколькими способами. Эйда возразила: при ремонте нельзя превращать простое движение в бесконечное совещание.

Шквал решил спор по-своему. Он коснулся незакреплённой рейкой трёх предметов: зелёного фонаря, красного и металлического колокольчика. На зелёный ответил теплом, на красный холодом, на колокольчик — двумя ударами корпуса.

— Да, нет, непонятно? — предположила Неми.

Шквал повторил последовательность.

Они создали временный словарь только для ремонта. Он не претендовал на перевод всех чувств корабля. Эйда могла остановиться при холоде или неопределённости, а подтверждение действовало на одно заранее названное действие.

Когда работа возобновилась, Неми осталась в двух шагах от механика, соблюдая её границу. Первый узел прошёл спокойно. Перед вторым Шквал дал два удара.

— Не понимаю, — сказала Неми.

Раньше эти слова показались бы ей профессиональным поражением. Теперь они остановили ключ.

Эйда осмотрела крепление с другой стороны и обнаружила за ним старую серебряную иглу. Ещё один поворот вогнал бы её в живую ткань крыла.

— Хороший перевод, — сказала механик.

— Я ничего не перевела.

— Именно.

Вечером Неми отозвала заявление. Комиссия оставила предупреждение в её деле. Эйда добавила в собственный отчёт, что травму вызвала не только ошибка голосового, но и процедура, где вся команда молча торопила один ответ.

Шквал позволил раскрыть крыло на четверть. Этого было мало для полёта и достаточно, чтобы солнечный свет впервые за годы лёг на внутреннюю поверхность.

Там проступили белые шрамы от извлечения памяти.

Глава 6. Связка

Комиссия пришла в белых плащах, которые не касались пыли дока. Ректор Дарвен Сол шёл первым. Его капитанское кольцо было старым, без золотого света: человек сохранял титул после завершения полётов.

— Пять отвергнутых курсантов заявляют выбор списанного корпуса, — прочитал секретарь. — Капитан не определён. Функции нестабильны. Ограничители памяти не сняты.

— Значит, выбора нет, — сказал Дарвен.

Лера показала запись подъёмов. Ректор посмотрел не высоту, а момент раскола капитанского кольца.

— Повреждение имущества Академии.

— Кольцо разрушил отклик корпуса, — сказала Эйда.

— Под вашей эксплуатацией.

Каэль передал протокол ограничителей. Дарвен признал печати законными: их установили семь лет назад после признания «Шквала» опасным. Основание находилось в закрытом архиве.

— Почему ограничители изолируют пять функций по отдельности? — спросил Сайрен.

— Потому что его отклик заражал экипажи чужими маршрутами.

— Чужими откуда? — спросила Неми.

Ректор не ответил. Предложил испытание: корабль должен подняться до верхнего причала, пройти вокруг Академии и вернуться. Один человек обязан подписаться капитаном. Без этого комиссия не примет риск.

Пятеро отказались выбирать одного.

— Тогда разборка продолжится, — сказал Дарвен.

Лера увидела единственный юридический выход. Устав разрешал временную совместную ответственность при спасательном полёте, если капитан недоступен. Но это не была авария.

Снизу раздался треск. Одна из цепей грузовой платформы лопнула после ночного ветра. На ней стояли двое мастеров. Платформа накренилась к облакам.

Авария возникла не по плану, и времени для комиссии не осталось.

«Тихий шквал» раскрыл крылья прежде, чем пятеро заняли узлы. Неми почувствовала просьбу, не приказ. Лера назвала короткий курс под платформу. Эйда взяла механический узел, Сайрен — наблюдение, Бран — якорь, Неми — голос. Роли совпали с обучением, потому что сейчас скорость была важнее проверки смены.

— Подтверждаю курс, — сказала Лера.

— Поток допустим восемь секунд, — сказал Сайрен.

— Левое крыло выдержит один рывок, — сказала Эйда.

— Связка держится, — сказал Бран.

— Корабль согласен, — сказала Неми.

Они поднялись.

Страх Леры пришёл не как мысль, а как исчезновение расстояния. Под ногами больше не было камня. Навигационная карта показывала каждый поток, но часть её сознания видела только провал.

Она не скрыла.

— Я теряю глубину. Сайрен, заberi вертикаль.

Наблюдатель принял расчёт высоты, не весь курс. Лера сохранила горизонтальный путь. Бран удержал передачу. «Шквал» наклонил правое крыло и вошёл под платформу.

Эйда выпустила живую опорную жилу. Та обвилась вокруг сломанной цепи. Мастера перебрались на палубу. Сайрен сообщил, что поток меняется; Лера вернула вертикаль после его подтверждения.

Полёт длился сорок три секунды. Корабль поднялся выше нижнего причала, но не облетел Академию. Вернулся в док по собственному решению, когда спасение завершилось.

Ректор не мог назвать отклик отсутствующим. Он объявил временную связку на тридцать дней и потребовал выбрать административного представителя для документов.

— Представитель не капитан, — сказала Лера.

— В документах будет именно это слово.

— Тогда подпишем по очереди.

Дарвен посмотрел на Каэля.

— Вы научили их спорить с формой до первого настоящего полёта.

— Нет, — ответил тот. — Корабль показал, что форма мешает ему лететь.

Комиссия назначила Каэля инструктором связки. Он должен был оценивать безопасность, но не имел права занимать функцию внутри корабля.

«Тихий шквал» получил временный номер и право не быть разобранным тридцать дней.

Когда белые плащи ушли, на его борту проступили пять светлых линий. Они соединились не в звезду и не в корону, а в открытую цепь.

Последнее звено корабль не замкнул.

Оставил место для отказа.

Глава 7. Инструктор погибшего судна

Каэль установил первое правило обучения: ни одного выхода за ворота дока, пока каждый не сможет передать функцию дважды без разрыва связки.

— Мы только что летели, — сказала Лера.

— В знакомых ролях и на одном импульсе. Это спасло людей. Не доказывает, что вы умеете вернуться, если штурман потеряет сознание.

— Я не потеряю.

— Тогда передача ничего у вас не отнимет.

Он говорил сухо, но не использовал страх Леры как аргумент. Не сказал, что корабли отвергли её из-за слабости. Задача относилась ко всем.

Первой Лера передала курс Брану. Он видел карту медленнее, зато замечал напряжение путей как вес. Выбрал более длинную линию, которую она считала неэффективной. «Шквал» принял.

— Потеряем двенадцать секунд, — сказала Лера.

— Сохраним запас на остановку, — ответил Бран.

Каэль не выбрал победителя. Попросил записать цену каждого маршрута.

Эйда передала механический узел Сайрену и чуть не выхватила обратно, когда тот снизил давление в крыле. Неми уступила голос Лере; та попыталась переводить образы слишком точно и превратила вопрос корабля в приказ. Бран передал якорь Эйде, и её тревога стала общей такой сильной волной, что все четверо отступили.

— Я не подхожу, — сказала Эйда.

— Вы вошли без предупреждения и попытались удержать всё сразу, — ответил Каэль.
— Это действие, не сущность.

Он позволил повтор только после согласия команды.

На втором круге Эйда назвала тревогу до связи и попросила ограничить глубину. Бран остался рядом как наблюдатель, но не вмешивался. Она удержала пульс десять секунд и сама вышла.

«Шквал» ответил тёплым светом.

К вечеру каждый передал функцию, кроме Каэля. Он находился вне связки по правилу. Неми снова услышала оборванную песню и на этот раз не повторила, только описала ритм.

Инструктор вышел на палубу.

Лера нашла его у носового узла. За воротами дока медленно двигались облака. Она стояла спиной к краю.

— Вы узнали песню.

— Да.

— Чью?

— Моего корабля.

— «Орваля».

Каэль кивнул.

— Почему его память внутри «Шквала»?

— Не знаю наверняка.

— Вы знаете достаточно, чтобы приказывать нам отойти.

— Знаю, что чужая память может разорвать связку. На «Орвале» это произошло.

— Он погиб из-за переноса?

— Он погиб в белой зоне.

Формулировка отвечала на место, не причину. Лера узнала уклонение, потому что сама весь день говорила о точности курса вместо страха.

— Вы оцениваете нас. Мы имеем право знать известный вам риск.

— Имеете. Я передам полный служебный отчёт до первого выхода.

— Не пересказ?

— Копию.

Он согласился на проверяемое действие, но не на личное признание. Лера приняла границу пока.

Каэль спросил, почему она не смотрит за борт. Она хотела ответить о расчётах, затем остановилась.

— Боюсь падения. Не высоты вообще. Момент, когда никакой курс уже не возвращает опору.

— Корабли чувствуют не страх, а то, что экипаж делает с ним.

— Вы поэтому сказали, что я давала им только пригодную часть?

— Да.

— Это было оценкой?

— Наблюдением до назначения. Сейчас я не буду использовать его для вашего балла без общего критерия.

Лера впервые поняла, почему Каэль держит речь так ровно. Он боялся превратить личное знание о связи в власть над курсантами.

За их спинами «Тихий шквал» тихо повторил четыре ноты песни «Орваля». Пятая снова оборвалась.

Каэль не приблизился к кораблю.

— До завтра я должен отказаться от вашего оценивания, — сказал он.

— Почему?

— Потому что теперь у меня личный интерес в том, что хранит этот корпус.

Он не попросил Леру доверять. Оставил ей документ, который должен был сделать доверие менее необходимым.

Между главами 7 и 8. Последний полёт Орваля

Каэль передал им не официальный отчёт, а собственный журнал последнего рейса Орваля. Бумага пахла грозовой солью. Несколько страниц слиплись, и он не разрешил Эйде разделять их паром: чернила могли исчезнуть.

— Читайте то, что сохранилось, — сказал он. — Пропуски не додумывайте.

Записи начинались за неделю до катастрофы. Орваль менял голос рядом с ректорским флагманом, отказывался входить в нижний ангар и несколько раз сбрасывал учебный маршрут. Каэль объяснял это усталостью старого корабля.

«После сезона отправлю его на покой», — написал он.

— Как можно отправить живой корабль на покой? — спросила Неми.

— Тогда я считал, что решаю за обоих, — ответил Каэль. — Экипаж был уверен: Орваль любит службу, потому что всегда соглашался.

— А он соглашался?

— Теперь не знаю.

Лера читала дальше. В день рейса команда получила приказ сопровождать Высокий свет к белой зоне. Цель скрыли даже от капитана: проверка нового маяка. На борту находились два инженера с серебряным оборудованием.

Перед стартом Орваль трижды дал низкую ноту. Голосовой перевёл её как тревогу из-за погоды. Каэль приказал продолжать подготовку.

— Это был отказ? — спросил Бран.

— В других обстоятельствах та же нота означала предупреждение. Я выбрал удобное толкование.

В журнале появились быстрые строки. У границы зоны приборы соединили с маршрутным слоем Орваля. Корабль дёрнулся, потерял высоту, затем выровнялся. Инженер сообщил, что контакт штатный. Высокий свет впереди перестал отвечать собственному голосовому.

Каэль потребовал отключить аппаратуру. Инженеры сослались на приказ ректора. Тогда он мог развернуть корабль силой капитанского контура, но считал это опаснее продолжения прямого курса.

— Вы тоже выбирали меньшее зло, — сказала Лера.

— Да. Только не спросил, кто будет платить разницу.

Последняя целая страница содержала команду: «Орваль, держи курс». После неё чернила расплывались. На обороте Каэль позже записал по памяти, как корабль разорвал связь с флагманом и вытолкнул спасательную капсулу экипажа. Сам Орваль остался в белой зоне.

— Почему вас не исключили? — спросила Эйда.

— Отчёт признал причиной нестабильность старого аэриды. Я подписал его.

— Зная, что это ложь?

— Зная, что он неполон. Мне сказали: если обвинить оборудование без доказательств, остановят все маршруты Академии. Я позволил назвать молчание Орваля поломкой.

Эйда захлопнула журнал.

— И теперь учите нас безопасности?

— Поэтому и учу. Но если моё присутствие мешает вам работать, запросите другого инструктора.

Он не защищался и тем раздражал сильнее. Эйда вышла из мастерской.

Позже Лера нашла её под крылом Шквала. Механик очищала белый шрам деревянным инструментом.

— Он хотя бы признался, — сказала Лера.

— Признание не оживляет корабль.

— Нет.

— И не делает Каэля безопасным.

— Тоже нет.

Они решили не менять инструктора, но установили условия: Каэль не участвовал в оценивании, все его рекомендации записывались, а решения по оборудованию проверяла Тора Венн. Доверие заменили процедурой там, где его пока не хватало.

На следующей встрече Каэль принял условия без торга. Он принёс карту последнего полёта и отметил место разрыва связи.

Сайрен наложил её на белые зоны вокруг Академии. Точка гибели Орваля совпала с началом мёртвой петли из их закрытого испытания.

— Если он вытолкнул капсулу наружу, — сказал наблюдатель, — часть маршрута должна была пройти через контур обратно.

— В хранилище, — закончила Лера.

Каэль посмотрел на белые шрамы Шквала.

— Или в следующий корабль, которого подключили к той же системе.

Тихий шквал ответил нотой, которой не было в их новом словаре.

Каэль побледнел: именно так Орваль предупреждал о закрытом небе.

Глава 8. Маршрут с закрытой картой

Служебный отчёт о гибели «Орваля» пришёл утром в запечатанном цилиндре. Половина строк была закрыта чёрными полосами допуска. Каэль выполнил обещание буквально и всё равно не дал экипажу узнать причину.

— Вы знали, что документ такой, — сказала Лера.

— Знал. Поэтому приложил запрос на раскрытие.

— Когда ответят?

— По уставу — за тридцать дней. Столько же действует ваша связка.

Сроки совпадали слишком удобно для Академии. Каэль подтвердил, что собирается обжаловать и не оценивать их до решения. Ректор назначил нового экзаменатора — капитана Севру Даль, командующую флагманом «Ясный ветер».

Первым испытанием Севра выбрала маршрут с закрытой картой. Экипаж увидит путь только первые тридцать секунд, затем навигационная чаша погаснет. Штурман обязан передавать фрагменты другим, чтобы корабль не зависел от одной памяти.

— Наконец проверка по делу, — сказала Лера.

Она запомнила карту за двадцать семь секунд: три восходящих потока, мёртвая петля у южной башни, поворот под левым крылом Академии. Когда чаша погасла, продолжила вести сама.

— Передайте первый участок, — приказала Севра по переговорному кристаллу.

— Нет необходимости. Я помню.

— Это условие.

Лера передала Сайрену высоту, но сохранила направление. Брану — скорость, Эйде — момент раскрытия крыла, Неми — сигнал поворота. Формально информация распределилась. Фактически каждый зависел от её последовательности.

«Тихий шквал» вошёл в первый поток и начал дрожать. Неми сообщила вопрос: почему остальные знают действия, но не путь?

— Потому что штурман отвечает за путь, — сказала Лера.

Корабль погасил синий узел.

Курс остался в её памяти, но больше не передавался корпусу. Лера попыталась вести через механические рули. Эйда отказалась выполнять поворот, которого не понимает.

— Через шесть секунд поток вынесет нас к башне.

— Тогда расскажи маршрут, не команду.

Лера назвала три опорные точки. Сайрен увидел между ними другую линию — на четыре секунды медленнее, но дальше от мёртвой петли. Она запретила: карта показывала исходный курс безопасным.

— Карта старая, — сказал он. — Поток сместился.

Лера не могла проверить без чаши. Должна была выбрать между собственной точной памятью и текущим наблюдением другого.

Бран назвал её предел:

— Ты перестала слышать новые данные. Стоп штурманской функции.

Страх вспыхнул ярче, чем край причала. Если она отдаст курс, то перестанет быть человеком, ради которого приехала.

— Подтверждаю остановку, — сказала Неми.

Эйда убрала тягу. Корабль завис в боковом потоке, теряя высоту. У них оставалось меньше минуты.

Лера передала чашу Сайрену полностью. Не отдельные числа — образ маршрута и сомнение вместе. Он принял, добавил текущий сдвиг ветра и выбрал длинную линию.

«Шквал» зажёл синий узел под его руками.

Лера стала наблюдателем. Её задача — проверять путь, не владеть им. Она увидела слабый встречный поток, который Сайрен пропустил, и сообщила без требования изменить курс. Он учёл.

Они обогнули башню на семь секунд позже нормы и вернулись без касания мёртвой петли. Севра поставила низкий балл за первоначальный отказ и высокий за передачу.

— Итог средний, — объявила она. — Для временной связки недостаточно.

Лера ожидала унижения, но Севра добавила:

— Большинство капитанов разбилось бы, прежде чем отдать чашу. Не делайте из правильного позднего решения доказательство, что задержка была безопасной.

После полёта Сайрен вернул Лере штурманский узел. Она спросила, почему не сохранил — корабль отвечал ему.

— Потому что функция сработала в конкретном потоке. Не стала моей.

На карте Академии мёртвая петля отсутствовала. В месте, которое Сайрен обошёл, была маленькая белая зона без ветровых обозначений.

Кто-то закрыл часть неба ещё до того, как закрыл их чашу.

Между главами 8 и 9. Разбор закрытого маршрута

На разборе их посадили отдельно. Лера — у карты, Сайрен — возле окна, остальные за спиной инспектора. Академия называла это защитой от согласованных показаний, словно экипаж после полёта становился группой подозреваемых.

Инспектор вывел запись закрытого маршрута. В момент, когда Лера передала навигацию Сайрену, линия курса дёрнулась в сторону белой зоны.

— Если бы штурман сохранил управление, отклонения не было бы, — сказал он.

— Отклонение возникло до передачи, — ответил Сайрен. — Я его и заметил.

— Вас не спрашивали.

Лера попросила прокрутить запись на десять секунд назад. Инспектор отказал: комиссия уже выделила значимый фрагмент. Тогда Эйда положила на стол собственный журнал натяжения крыла. Он начинался раньше и показывал боковой импульс от учебной чаши.

— Личная запись курсанта не сертифицирована.

— Зато время на ней поставил ваш стенд, — сказала Эйда.

Бран добавил журнал остановок. Неми — перевод откликов Шквала с пометками уверенности. По отдельности документы выглядели неполными. Вместе показывали другое: закрытая карта скрыла не только маршрут, но и искусственную тягу к белой зоне.

Инспектор сменил тему.

— Почему Вейр отказалась от функции штурмана в опасный момент?

— Потому что удерживала в памяти все возможные пути и перестала различать наблюдение и ожидание, — ответила Лера.

— То есть запаниковала?

— Нет. Обнаружила ухудшение собственной оценки.

— Капитан не может отказаться от решения.

— Я не капитан.

На задних рядах кто-то усмехнулся. Там сидели курсанты флагманской пятёрки. Их капитан Ивар поднял руку и получил слово без ожидания.

— Если каждый будет передавать роль при сомнении, корабль потеряет управление.

— А если не передаст, экипаж потеряет корабль, — сказал Бран.

Ивар потребовал сравнительное испытание. Два экипажа должны были пройти тот же маршрут: флагманская команда с единым капитаном и пятёрка Шквала со сменяемыми функциями. Академия согласилась слишком быстро.

Сайрен заметил это первым. На карте нового испытания белая зона была уже отмечена как безопасный коридор, хотя утром её вообще не существовало.

— Они хотят получить повторяемый результат, — сказал он после разбора. — Не выяснить причину.

Лера предложила отказаться от сравнения. Эйда возразила: тогда отчёт запишет их прошлый успех случайностью. Неми боялась повторного давления чужой песни. Бран спросил единственное важное:

— При каких условиях каждый из нас готов участвовать?

Они потребовали открытые журналы стенда, право прекратить испытание и независимого механика. Ивар согласился только на журналы. Его флагман, по словам голосового, был готов к любому маршруту.

— К любому? — переспросила Неми. — Или к этому?

Голосовой растерялся. Он не задавал вопрос настолько узко.

Сравнительное испытание перенесли на день. Для Академии это была задержка. Для флагманского корабля — первый случай, когда его согласие пришлось уточнять.

Глава 9. Право якоря

Второе испытание называлось «Согласованный шторм». Академия создавала искусственные порывы между тремя башнями, а экипажи должны были пройти по центру. Испытание считалось безопасным: сила потоков известна, спасательные сети развёрнуты.

Бран изучил условия и спросил, кто проверял нижнюю сеть. Севра ответила: техническая служба утром.

— Журнал?

— Якорь не отвечает за оборудование.

— Я отвечаю за остановку связки при риске.

Он потребовал копию. В журнале последняя проверка значилась вчера вечером, не утром. Севра вызвала службу. Те объяснили: сеть автоматическая и не требует ежедневного осмотра при спокойной погоде.

— Погода спокойная до включения шторма, — сказал Бран.

Экзаменатор разрешила короткую визуальную проверку, но не задержку старта. Сайрен увидел, что одна опорная нить провисла. Техники назвали допустимым запасом.

«Тихий шквал» вошёл в маршрут. Первый порыв прошёл чисто. На втором белая зона с карты расширилась: ветер исчез не по сценарию, затем вернулся снизу. Корабль качнуло.

Бран сказал:

— Стоп. Выходим вправо.

Севра приказала продолжить: параметры в норме, остановка снижает балл всей связке.

Лера видела финиш в двух поворотах. Соперники уже прошли. Отказ сейчас закрепит репутацию трусов.

— Причина? — спросила она.

— Сеть не удержит нижний выброс. И связка «Шквала» сжимается, как перед чужой памятью.

Неми подтвердила боль корабля, но не могла определить источник. Эйда не находила поломки. Сайрен видел нормальные числа после скачка.

Бран оставался единственным, кто ощущал общий предел.

— Подтверждаю стоп, — сказала Лера.

Они вышли вправо и приземлились на аварийную площадку. Севра аннулировала попытку за самовольный сход.

Через минуту следующий экипаж вошёл в третий порыв. Белая зона развернулась под флагманом. Нижний выброс ударил в сеть. Провисшая нить лопнула, корабль удержался на двух остальных, повредив крыло.

«Тихий шквал» поднялся без приказа — спросил Неми, хочет ли команда помочь. Пятеро подтвердили. Эйда перехватила повреждённое крыло живой жилой, Сайрен вывел из обратного потока, Лера построила посадку.

После спасения Севра не извинилась сразу. Она остановила всё испытание и вызвала техническую комиссию. Только затем подошла к Брану.

— Ваши данные были неполными.

— Да.

— Вы остановили на ощущении связки.

— И на непроверенном журнале, провисшей нити, неизвестном скачке.

— Ни один признак отдельно не требовал схода.

— Вместе требовали.

Севра восстановила попытку, но не начислила победные баллы за спасение. Это не было частью соревнования.

— Решение якоря оказалось верным, — сказала Лера.

— Результат подтвердил риск, но не делает любой будущий отказ верным, — ответила Севра. — Право остановить не равно безошибочности.

Бран согласился. Попросил записать также: ошибочный отказ обсуждают после безопасной остановки, а не отменяют заранее страхом потерять баллы.

Комиссия нашла в генераторе шторма фрагмент чужого маршрута. Он вызвал белую зону. Запись поступила из флагманского резервуара памяти.

Каэль прочитал номер фрагмента и узнал код «Орваля».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.